Противоречия внутри альянсов: от ценностных к межгосударственным

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Противоречия и даже открытые конфликты внутри западных организаций и альянсов становятся все более заметными и распространенными. Они повсеместно объясняются растущим противостоянием идеологических платформ, однако на самом деле имеют иную природу.

Содержание

1 Идеологические или межгосударственные противоречия?
2 В зеркале разборок Будапешта и Брюсселя
3 Системные истоки и последствия

В последнее время часто появляются новости о противоречиях и даже скандалах внутри военно-политических альянсов и интеграционных объединений. На постсоветском пространстве это данность, которая сопровождает (дез)интеграционные процессы уже три десятилетия и к которой потому давно привыкли. Долгое отсутствие «искрения» внутри СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, если таковое когда-то и случалось, должно было бы вызвать подозрения: все ли в порядке, продолжают ли союзники общаться друг с другом? В рамках же западных организаций не иссякающие значительное время и выходящие в публичное пространство споры и конфликты многие годы являлись редкостью. Они, разумеется, случались и в Европейском союзе, и в НАТО. Иногда градус напряжения там мог и зашкаливать. Как, например, перед началом американской военной операции против Ирака в 2003 году. Однако, в отличие от постсоветского пространства, это было исключением из правил.

В последнее же время и западные альянсы становятся все менее устойчивыми к внутренним трениям и разногласиям. Стилистика, в которой западные лидеры выясняют отношения, и особенности протекания конфликтов во многом

отличаются от постсоветских традиций (хотя со временем различия вполне могут стираться). Но конфликтных ситуаций даже в таких, казалось бы, примерных кейсах интеграции, как ЕС и НАТО, все больше. Некоторые из них превращаются в хронические и проявляются в публичном пространстве, а не только в ходе скрытых от журналистских камер встреч.

Идеологические или межгосударственные противоречия?

Буквально каждый день в ведущих западных СМИ появляются публикации-зарисовки к этой тенденции.

> Притом интересно, что, в отличие от постсоветского пространства, растущие внутриальянсные трещины на Западе чаще всего в политическом и медийном дискурсе обрамляются не как межгосударственные, а как идеологические противоречия.

Например, последние новости из стана ОДКБ звучат как «дипломатический конфликт Еревана и Минска», а чуть раньше говорилось о напряжении между Ереваном и Москвой. А из ЕС и НАТО мы в основном слышим о нарастающем противостоянии различных сил политико-идеологического спектра.

Центристский мейнстрим внутри западных государств и на наднациональном уровне там борется то с крайне правыми, то с леворадикалами. Под флагом либеральных ценностей клеймят позором то националистов, то «понимающих Путина» (Putinversteher), то сторонников нормальных отношений с Китаем. Те, в свою очередь, отвечают политическому мейнстриму взаимностью и винят его представителей во всех смертных грехах. Соответствующим образом формируются предвыборные программы, расставляются акценты в ходе дебатов. И именно об этом сейчас почти все первые полосы главных изданий в Европе и (в меньшей степени) Северной Америке.

Такой ажиотаж в западных СМИ легко понять, как и интерпретацию растущих политических противоречий исключительно сквозь идеологическую призму. Они во многом проистекают из страхов и растерянности. И дальше, по всей видимости, будет только больше.

Еще несколько лет назад центристскому мейнстриму на Западе было проще вообще игнорировать политических и идеологических оппонентов. Их называли случайными маргиналами и популистами и старались не замечать, чтобы лишний раз не рекламировать их программы и лидеров. Так оппонентов держали

подальше от управленческой повестки дня. Их представляли нерукопожатными изгоями (и отдельным представителям этих сил нормальный человек действительно не захочет жать руку). Не допускалась даже мысль о том, что кто-то из них когда-нибудь может стать частью правящей коалиции или того хуже возглавить правительство своей страны.

Сейчас же продолжать эту линию и делать вид, что ничего особенного не происходит, уже невозможно. Партии и движения за пределами политического центра, в том числе крайне правые, в Европе остаются вне мейнстрима, но уже представляют очень серьезную политическую силу. Их популярность в некоторых ключевых странах ЕС находится на восходящей траектории, сами центристы вынуждены все больше перенимать их повестку. Именно это ожидаемо показали недавние выборы в Европейский парламент и продолжающиеся по их итогам торги за кадровое наполнение ключевых институтов ЕС. В ряде европейских стран идеологические оппоненты либерального центра уже получили возможность войти в правительство или даже сформировать его. В некоторых других это вполне может произойти в ближайшее время.

В итоге западная политика меняется на глазах. С одной стороны, табу на коалиционное взаимодействие с недавними изгоями постепенно растворяется, так как политические реалии в виде голосов избирателей постоянно игнорировать невозможно. С другой же стороны, идеологическое противостояние становится все более ожесточенным и интенсивным, его формы обостряются. Важная особенность этого процесса – он интернационализируется. Норма о невмешательстве во внутриполитические дела как будто перестала существовать в природе. В этом смысле Запад действительно выглядит одним политическим целым.

> Но это лишь дает еще больше аргументов тем самым немейнстримным силам, выступающим за приоритет национального перед наднациональным, за возврат к истокам государственного суверенитета и снижение полномочий Брюсселя.

Не всегда заметным результатом становится то, что за привычным нарративом о столкновении ценностных и идеологических подходов на Западе неизбежно появляются и новые точки напряженности между государствами. В беспорядочном информационном потоке все сложнее разобраться, где конфликты идеологических оппонентов (например, либеральных центристов с крайне правыми националистами или леворадикальными глобалистами), а где

столкновение национальных интересов. Но само наличие взаимосвязи между этими уровнями противоречий представляется очевидным. Эту взаимосвязь важно замечать, понимать и признавать.

В зеркале разборок Будапешта и Брюсселя

В качестве примера можно было бы привести Великобританию. Там во многом идеологически окрашенные споры о пользе членства в ЕС имели совершенно однозначные межгосударственные последствия в виде Брекзита и частичного восстановления новых-старых границ для движения факторов производства и политического общения. Однако по нынешним временам это уже давняя история. Кроме того, Великобритания всегда была особым кейсом в общей картине европейской и евро-атлантической интеграции. Обусловленная географией и историей специфика политической мысли в Лондоне осложняет параллели и с континентальной Европой, и со всем остальным Западом.

Более актуальным и интересным примером выглядит Венгрия. Уже достаточно долгая хроника конфликтов между Будапештом и Брюсселем почти каждый день пополняется новыми сюжетами и точками напряжения. И все это происходит под аккомпанемент медийных сообщений по поводу ценностно-идеологического столкновения. Оно выражается в том, что институты ЕС и центристский мейнстрим обвиняют Будапешт в нарушении верховенства права и демократических стандартов, а также в коррупции. Венгерские власти, со своей стороны, предъявляют Брюсселю претензии по поводу постоянного навязывания либеральной повестки дня и вмешательства в суверенные дела.

Это противостояние уже привело к введению против Будапешта санкций. В 2020 году ЕС утвердил «механизм обусловленности верховенством закона».

> Он позволяет приостанавливать выделение средств государствам-членам, если Европейская комиссия приходит к выводу, что они имеют серьезные проблемы с верховенством права и демократией.

В декабре 2022 года именно к такому выводу в отношении Венгрии она и пришла, рекомендовав Совету ЕС заморозить 7,5 млрд евро из предназначавшихся Будапешту средств европейского бюджета (то есть около 20% того, что страна должна получить из фондов ЕС в 2021-2027 годах). В итоге Совет снизил сумму до 6,3 млрд евро, что тем не менее было выше 3% венгерского ВВП в 2021 году.

Впоследствии принимались и другие финансовые ограничения. Совсем недавно, например, Европейский суд оштрафовал Венгрию на 200 млн евро за несоблюдение принятой в ЕС политики приема беженцев.

Случаются, правда, и движения в противоположном направлении. Так, в конце прошлого года часть средств была разморожена в обмен на уступки Будапешта по вопросам поддержки Украины. Но это решение тут же вызвало резкую реакцию со стороны Европарламента, который большинством в 345 голосов потребовал от исполнительных органов ЕС продолжить и усилить давление на Венгрию и пригрозил Еврокомиссии судебными разбирательствами.

Под усилением давления подразумевается, в частности, применение статьи 7 базового договора ЕС с целью приостановить право голоса Венгрии в Совете, фактически главном органе принятия решений в ЕС. Притом такие призывы звучат не только от евродепутатов. Недавно из-за позиции Будапешта по российско-украинской войне этого же по сути требовал глава МИД Литвы Габриэлюс Ландсбергис.

Системные истоки и последствия

На этом фоне рутинно и обыденно из уст журналистов и многих европейских политиков звучат такие эпитеты в адрес премьер-министра Виктора Орбана и членов его правительства, как «лучшие друзья Путина», «авторитарные популисты», «праворадикалы» и т.д. Что бы ни происходило, эти эпитеты уже сформировали массовое восприятие, в основе которого все тот же ценностно-идеологический нарратив.

Но так как венгерский избиратель достаточно давно сохраняет Орбана у власти, то так же рутинно такие эпитеты теперь звучат в отношении всей Венгрии. То есть здесь уже произошел очевидный переход от произносимых нарративов о ценностном противостоянии между европейским либеральным мейнстримом и правой партией «Фидеш» к конфликтам на межгосударственном уровне. Противоречия на уровне идеологии фактически стали синонимичны противоречиям на уровне национальных интересов. По крайней мере, справедливо утверждать, что если венгры продолжают избирать Орбана, то они в большинстве принимают его подходы к определению и защите национальных интересов.

Это очень важная констатация, потому что она проливает свет на главное: множащиеся противоречия внутри ЕС имеют структурную первопричину и потому не могут быть объяснены лишь ценностно-идеологическими расхождениями.

> В предыдущие десятилетия конфликтов между западными союзниками было значительно меньше не из-за ценностного единства, а благодаря стабильности существовавшей системы международных отношений и определявших ее силовых балансов.

В частности, после 1991 года «однополярный момент» делал все процессы и расклады в мире относительно понятными и предсказуемыми. В таких условиях места внутренним конфликтам на Западе практически не было. Если они неожиданно и вспыхивали, то так же быстро и потухали под влиянием определенности по поводу траектории развития мира и правильных моделей управления.

Происходящая же сейчас разбалансировка всей системы международных отношений уничтожила чувство определенности и предсказуемости. Трансформация системы от «однополярного момента» в какое-то новое качество ставит ребром и вопрос об актуальности идеологической основы старой системы – смеси либеральной демократии и рыночной экономики в условиях глобализации. В таких условиях элиты западных стран объективно все более склонны по-разному интерпретировать свои национальные интересы. Это, в свою очередь, ведет к конфликтам не только идеологического, но и межгосударственного свойства.

Такую взаимосвязь системного, ценностного и межгосударственного важно понимать. Она объективна, и с ней бесполезно бороться. А в рамках альянсов и объединений – даже контрпродуктивно. К ней необходимо адаптироваться, иначе неизбежным результатом станут глубокие кризисы интеграционных объединений.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»